

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИНОЕ ЦАРСТВО КАК ОСНОВА СТРОЕНИЯ СКАЗКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СКАЗОК БРАТЬЕВ ГРИММ И А. Н. АФАНАСЬЕВА

НАТАЛИЯ ЖАНОВНА РИМАССОН-ФЕРТЕН

(Университет Гренобль № 3 им. Стендаля: 38610 Франция, г. Сен-Мартен д'Эр,
Центральный проспект, д. 1180, факультет языков, литературы и иностранных цивилизаций)

***Аннотация.** В статье рассматривается, каким образом мотив путешествия в иное царство и связанные с ним поверья отражаются в тексте сказок братьев Grimm и А. Н. Афанасьева в XIX в. как на уровне терминологии и стилистических приемов, так и в построении самого повествования.*

Остановившись сперва на поверьях, связанных с мотивом путешествия в немецкоязычной и русскоязычной средах, анализ показывает, что странник в обоих случаях приобретает особый статус, так как он уже не принадлежит миру живых. Особое внимание уделено местам, через которые проезжает герой или героиня. Даже если сказка не описывает по-настоящему пространство и пейзажи, читателю все таки удастся собрать несколько подробностей, которые вместе составляют определенную картину этого воображаемого мира. Но все-таки, в какой степени возможно изобразить тот мир, о котором идет речь в сказке?

Во всяком случае, обосновывается положение о том, что мотив путешествия служит верной опорой для памяти рассказчиков и, далее, что от него зависит организация самого пространства сказки.

Автор предлагает типологию строений сказки в связи со странствующими персонажами, с количеством путешествий в иное царство и с родом взаимосвязи, существующей между ними.

***Ключевые слова:** народная сказка, Grimm, Афанасьев, путешествие, иное царство, мифическая география, поверья.*

Известные собрания сказок братьев Grimm и А. Н. Афанасьева, публикацию которых разделяет почти пятидесятилетний временной интервал, имеют много общего. Прежде всего, это цель, стоявшая перед авторами-составителями: в исторический период, когда в жизни народной словесности обозначился глубокий перелом, сохранить в литературе сказки, передававшиеся до этого только в устной форме.

Мотив «иногo царства» встречается в большинстве волшебных сказок, вошедших в оба сборника. В тот или иной момент своей жизни, по той или иной причине герой покидает родной дом и отправляется «за тридевять земель». Чаще всего его задачей является поиск некоего диковинного предмета или жены для себя или своего повелителя. В данной статье рассматривается мотив такого путешествия на фоне связанных с ним поверий¹.

¹ Статья написана на основе исследования, проведенного в ходе работы над диссертацией на тему «Иное царство и его образы в сборниках “Детские и домашние сказки братьев Grimm” и “Русские народные сказки” под редакцией А. Н. Афанасьева» [Rimasson-Fertin 2008]. Ссылки на эти сборники будут обозначаться соответственно KHM (Kinder- und Hausmärchen) и NRS (Народные Русские Сказки).

Основные вопросы, стоящие перед нами: как этот мотив отражается в самом тексте сказки и каково его влияние на пространственную организацию сказочного мира?

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК НЕОБЫКНОВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В сказке пространство и его восприятие сопровождаются следующими противопоставлениями: знакомое/незнакомое, свое/чужое [Цивьян, 1975, 196–203]. Следовательно, путешествие является нарушением нормального порядка вещей и сразу воспринимается как нечто необыкновенное [Horn, 1984, 23].

Вслед за Полем Зумтором рассмотрим, какие слова употребляются в некоторых западноевропейских языках, чтобы обозначить путешествие: «Значение, которое мы сегодня <...> придаем <этому термину>, не встречается во французском языке до конца XV в. Английское слово *travel* происходит от нашего <т. е. французского> слова *travail*, которое означало *труд, усилие*; германское слово *risan* (от которого произошло немецкое слово *Reise*) означало *разгон и перелом*. Общим основным значением этих терминов является, как нам кажется, переход, отрывающий нас от понятия *здесь* и переносящий в *иное место* — быть может, место опасное, находящееся за пределами привычного для нас пространства <...>².

Большинство терминов выражают идею разрыва, усилия, а также опасности, которую подчеркивают медленность и, следовательно, продолжительность пути. В своей книге об изображении пространства в Средневековье Поль Зумтор приводит несколько примеров длительности перемещений и показывает, что они практически не меняются в течение веков. Автор комментирует данное явление следующим образом: «Скорость — дело волшебства; она может быть результатом лишь чуда или чародейства» [Zumthor 1993, 172].

Что касается русских поверий, этнолог Татьяна Щепанская описывает статус путешественника следующим образом:

«Дорога — вне божественного порядка и даже противостоит ему. <...> По традиционным представлениям дорога — мир небытия, где обычай не действует. То же получается и если рассуждать логически: выйдя в путь, человек оказывается вне социума, ускользя из зоны досягаемости привычных рычагов социального воздействия, таких, как наказание, осуждение, давление общественного мнения, престиж, одобрение и пр. В дороге он одинок и потому свободен: вне социума и вне его норм» [Щепанская 1992, 104, 105].

Иными словами, странствующий человек теряет всякий статус: он принадлежит не к обществу людей, а к «иному миру» [Щепанская 1992, 102], и обычные нормы поведения его уже не касаются. Заметим, что такого рода воззрения, казалось бы устаревшие, все еще встречались вплоть до 1990-х гг. [Щепанская 1992], что показывает, насколько глубоки их корни в народном сознании.

Отправиться в путь значит также покинуть владения предков-защитников [Lecouteux 2000, 120–124] и подвергнуться всяческим опасностям, от которых, правда, могут защитить некоторые традиционные ритуалы: всем странствующим героям в русских сказках дается родительское благословление. Заметим, что идентичный обычай существует и в немецкоязычной среде (*Reisesegen*). Однако в сказках братьев Гримм он не встречается.

При этом *Словарь немецких суеверий* (*Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens*) упоминает, например, привычку выходить из дома задом наперед, «чтобы защититься от злого духа» (*böser Geist*), а также обычай, отправляясь в путь, посидеть некоторое время на скамье перед домом. В России также по сей день принято молча присесть перед дорогой. В немецкой традиции отбывающим в путешествие не рекомендуется возвращаться назад, если они что-то забыли, «чтобы путешествие тоже не “вернулось назад”» (*damit die Reise nicht auch “hinter sich geht”*) [Bächtold-Stäubli 1987, т. 7, 638–644]. Это соответствует

² «Le sens que nous <...> donnons <à ce terme> aujourd’hui n’est pas attesté, en français, avant la fin du XVème siècle. L’anglais *travel* vient de notre travail, qui signifiait peine, effort; le germanique *risan* (d’où l’allemand *Reise*) évoquait élan et rupture. La valeur fondamentale commune semble être celle d’un passage arrachant à l’ici; d’une projection vers ailleurs — vers un dehors périlleux peut-être <...>» [Zumthor 1993, 167]. В отсутствие других указаний все цитаты переведены автором статьи.

русскому поверью, что вернувшемуся «пути не будет».

Меры предосторожности касались не только путешествующего, но и членов его семьи, остающихся дома: в день отъезда им нельзя было делать уборку и заправлять постель. Сам же путешественник, прибыв на место назначения, должен был провести ряд очистительных обрядов, чтобы быть принятым в общество «оседлых». Все эти примеры доказывают, что время, проведенное в дороге, воспринималось как промежуточный период, протекающий вне «нормального» временного пространства.

ОТРАЖЕНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В ТЕКСТЕ СКАЗОК

Термины

Обратимся к лексическим средствам, которые используются в сказке для описания путешествия [Цивьян 1975]. Это в первую очередь все термины, выражающие способы перемещения, вплоть до самых необычных. Герой может ехать на хвосте у лисы («Золотая птица» КНМ 57 и «Хурле-бурлебуц» КНМ 66а) или на спине у великана, как в немецкой сказке «Барабанщик» (КНМ 193) и в русской сказке «Соль» (NRS 242): «<Великан> взял его, посадил на спину и побежал через море; тут у Ивана с головы шапка упала. “Ах, — говорит, — ведь я шапку сронил!” — “У, брат, далеко твоя шапка — верст с пятьсот назад осталась”, — отвечал великан <...>» [Афанасьев 1985, 271].

Этот пример особенно интересен, поскольку в нем упоминается расстояние, что в сказках случается довольно редко. Зато сказки содержат множество указаний, касающихся времени и места:

«...шли они целый день по лугам, по полям, по каменистым просторам³» (КНМ 11) [Grimm 1993, т. 1, 80];

«...пустился <королевич> в путь-дорогу и ехал с утра до вечера, и ему было все равно, куда приведет его дорога» («Королевич, который ничего не боится» КНМ 121) [Grimm 1993, т. 2, 166];

«...<королевич> пошел по горам, по долам, по полям и лесам» (КНМ 121) [Гримм 2007, 365];

«...<Иван солдатский сын> день и ночь скакал без устали; прошел месяц, и другой, и третий, и прибыл он в незнакомое государство» («Два Ивана, солдатских сына» NRS 155) [Афанасьев 1984, 280, 281];

«Шел он день, шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше первого» («Марья Моревна» NRS 159) [Афанасьев 1984, 301].

Таких примеров, как и примеров применения волшебных способов передвижения [Трубецкой 1990, 106, 107], существует великое множество.

Использование приведенных выше выражений и приема повторения показывает, что перемещение героя в пространстве чаще всего выражается терминами, определяющими длительность; длительность же передается традиционными оборотами речи⁴.

Мнемотехнические приемы

Вместо того чтобы описывать продолжительность пути, сказка подчеркивает его ключевые моменты: всё, что читатель-слушатель узнает о путешествии, касается либо препятствий и способа их преодоления, либо разных этапов пути. Действие развивается во время остановок, а само перемещение только упоминается.

Многие сказки вообще умалчивают о путешествии. Часто достаточно лишь назвать цель пути, и она уже достигнута [Цивьян 1975, 199]. Другие сказки показывают героя, когда он уже находится совсем близко от иного царства. В немецкой сказке «Портной в раю» (КНМ 35) нет ни слова о самом перемещении, но одна подробность дает нам понять, что путь был очень долгим: у портного мозоли на ногах.

То, что говорилось выше об отражении пространства, также касается и временного аспекта рассказа: как подчеркивает Антуан Фэвр, указания на время создают впечатление не «ощущаемого течения времени, а отдельных настоящих моментов, следующих один за другим» [Faivre 1978, 32].

При этом многие лексические элементы народной словесности весьма образно передают скорость и продолжительность путешествия. Само повествование подчиняется медленному ритму перемещения героя в пространстве. Как отметил

³ В использованном русском переводе сказок братьев Гримм последняя часть предложения отсутствует.

⁴ См. главу «Традиционный стиль сказок» [Siniavski 1990, 79–87].

А. Синявский, такие присказки, как «долго ли, коротко ли», «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» [Siniavski 1990, 106], замедляют ход действия. В результате сказка точно отражает само путешествие, с помощью неопределенных формулировок и монотонных приемов, стараясь синхронизировать движения, находящиеся на совершенно разных и несовместимых уровнях — на уровне речи и на уровне события, которое речь описывает⁵.

Передать читателю-слушателю информацию о длительности и дальности путешествия помогает также использование длинных сложных предложений, описывающих преодоление героем препятствий и его встречи с другими персонажами.

Итак, перемещение персонажей действительно отражается в сказках, но, скорее всего, имплицитным образом, при помощи комбинации элементов, которые все вместе создают ощущение путешествия, а не благодаря подробным и правдоподобным описаниям, свойственным, например, жанру романа. Выражаясь словами В. Я. Проппа, характеристика сказки в этом плане — «отказ от описания пути» [Пропп 1998, 143]. И это именно отказ: каждый раз, когда читатель-слушатель ожидает описания, рассказчик уклоняется от него с помощью поговорки или образного фразеологизма, как было показано выше.

В общем, как заметила Каталин Горн, «...мы не знаем, ни в каких местах герой отдыхает и утоляет жажду в пути, ни где он принимает пищу. Создается впечатление, что он все время носит одну и ту же одежду, даже когда его странствие длится семь лет <...>. Он не проезжает через города, где процветает торговля и где кипит жизнь. Если города и упоминаются, то

лишь вкратце, когда нужно показать длительность пути⁶.

Дорога как часть пейзажа — «тема, которая меньше всего интересует рассказчиков». И все же, продолжает Горн, «...не правда, что свойства настоящей дороги, проблемы и трудности, с которыми путешественник сталкивается каждый день, не имеют значения для рассказчиков и их слушателей⁷.

Общая структура сказки соответствует пространственному путешествию героя и точно следует за ним. Так, если путь совершается в три этапа, следуя закону утроения, то каждый этап начинается с одной и той же формулировки. В сказке «Марья Моревна» (NRS 159) подобные повторения встречаются несколько раз и подчеркивают переход от одного этапа действия к другому⁸: все три жениха сватаются одинаково, и как только третья сестра Ивана выходит замуж, начинается эпизод, в котором герой отправляется навестить сестер,— визит к трем зятям вновь описывается одинаковыми словами. Тут повторение опять сопровождается «нарастанием» [Пропп 1998а, 57; Horn 1984, 28–29]: каждый новый дворец краше прежнего. При этом описание прощания героя с сестрами варьируется незначительно:

«Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу» [Афанасьев 1984, 301];

«Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу» [Афанасьев 1984, 302];

«Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу» [Афанасьев 1984, 302].

Итак, выбор терминов, построение повествования и повторение условных оборотов речи подчеркивают ощущение

⁵ «<...> le conte prend la mesure exacte du parcours et, par des formules vagues et monotones, s'efforce de synchroniser des mouvements inscrits dans des plans différents et incommensurables: celui du langage et celui du voyage que décrit ce langage» [Siniavski 1990, 107].

⁶ «Nous ne savons pas quels sont tous les lieux où le héros se repose et se désaltère en chemin, ni où il prend ses repas réguliers. Manifestement, il porte toujours le même habit, même lorsque son voyage dure sept ans <...>. Il ne traverse pas de villes au commerce florissant et à la vie animée. Les villes sont évoquées tout au plus en passant, lorsqu'il s'agit de montrer la longueur du chemin» [Horn 1984, 27].

⁷ «<...> ce n'est pas vrai que la nature du chemin réel, les problèmes quotidiens qu'il pose au voyageur sont totalement dénués d'importance pour les conteurs et leur public» [Horn 1984, 35, 36].

⁸ В начальной ситуации о появлении трех животных-зятьев тоже рассказывается почти одинаковыми словами. Такого рода повторения встречаются в нескольких из приведенных А. Н. Афанасьевым вариантах сказки «Морской царь и Василиса Прекрасная» (NRS 219–226), например, в начальном эпизоде, где орел трижды сбрасывает сидящего у него на спине царя в воду, чтобы рассчитаться с ним за то, что он трижды целился в него из ружья.

устного характера сказок, и это несмотря на то, что перед нами в обоих случаях, и особенно в сборнике братьев Гримм, значительно переработанные тексты [Grimm-Rölleke 1985, 1151–1177; Tonnelat 1912; Landry 2005, 83–88]. Такой подход свидетельствует о следовании фольклорной традиции при переработке устных текстов.

Еще одна функция описанных выше приемов — помочь рассказчику удерживать в памяти сюжет и последовательность действий персонажей [Soriano 2001, 338–341]. Наконец, описанные стилистические приемы компенсируют лакуны в повествовании, которое, как правило, упоминает о путешествии, но не описывает его подробно.

ПУТЕШЕСТВИЕ И ОФОРМЛЕНИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Рассмотрим теперь, каковы взаимоотношения между мотивом путешествия и построением сюжета сказки. Выше уже упоминался тезис В. Я. Проппа, согласно которому «композиция сказки строится на пространственном перемещении героя» [Пропп 1998b, 143]. Около сорока лет спустя канадский фольклорист Вивиан Лабри, пытаясь «выяснить, в чем состоит “сущность” сказки для рассказчиков» [Labrie 1982, 557], пришла к аналогичному выводу в отношении канадских сказок. Речь идет о так называемых «одиссейных сказках», т. е. «рассказах, в которых герои и несколько других персонажей преодолевают открытые пространства и таким образом соединяют между собой “географические” элементы частей воображаемого мира» [Labrie 1982, 563]. В. Лабри делает следующий вывод: путешествие, т. е. сам путь героя, является основой, на которую рассказчики опираются, чтобы построить сюжет рассказа.

СКАЗКИ С «ПРОСТЫМ СТРОЕНИЕМ»

В статье «Французская народная сказка: проблематика исследования» Мари-Луиз Тенез, чтобы выделить различные

способы построения рассказа, опирается на понятие «хода», определенное В. Я. Проппом как «основная единица», «начальная структура волшебной сказки, без которой <сказка> не существует» [Tenèze 1972, 97–106]: «Отметив, что сказка начинается с вредительства или недостачи и кончается свадьбой или аналогичным по значению событием, Пропп тем самым определил ту минимальную сказку, которой является ход, развивавшийся от данного противоречия к разрешению этого противоречия <...>. Термин “ход”, предложенный Проппом, интересен тем, что он ясно выражает, что именно ход повествования, развивая данную ситуацию, должен разрешить противоречие, на котором она основана»⁹.

Таким образом, М.-Л. Тенез предлагает понятие «простого строения», чтобы обозначить сказку, «состоящую либо из одного хода, либо из нескольких ходов, повторяющих друг друга» [Tenèze 1972, 98]. В первом случае Тенез предпочитает говорить об «эпизоде».

Одноэпизодовые сказки — или, употребляя терминологию Проппа, «одноходовые» сказки [Пропп 1998a, 97] — являются довольно короткими текстами с простой нарративной схемой. Герой отлучается из дома после нарушения исходной ситуации (у Проппа — «вредительство»), и путь ведет его, случайно или нет, в иное царство. Выполнив свою задачу или пройдя испытания, герой возвращается домой и чаще всего восходит на престол. Действие оканчивается достижением нового стабильного положения. Именно путешествие объединяет все события, происходящие в сказке, в нечто единое. Примером могут послужить сказки Афанасьева «Василиса Прекрасная» (NRS 104) и «Верный Иоганн» братьев Гримм (КНМ 6).

Среди сказок, состоящих из нескольких эпизодов, относящихся к одному ходу, можно выделить несколько типов. В первом случае имеется несколько путешествий, которые ведут

⁹ «En reconnaissant qu'il prend le départ sur une malfaisance ou un manque, et qu'il aboutit à un mariage ou à une fonction similaire, Propp a implicitement défini ce conte minimum qu'est le mouvement comme allant d'une opposition posée vers cette même opposition résolue [...]. L'intérêt du terme de mouvement proposé par Propp est d'expliciter que c'est le déroulement narratif qui a pour mission, en développant la situation posée, de résoudre l'opposition qui la fonde» [Tenèze 1972, 98].

¹⁰ Эта сказка — вариант русской сказки о Царевне-лягушке.

в одно-единственное «иное царство». Такая ситуация встречается в сказках братьев Grimm «Три перышка»¹⁰ (КНМ 63) и «Стоптаные башмаки» (КНМ 133). В первой сказке герой должен выполнить одно за другим три задания (достать самый красивый ковер, самое красивое кольцо, самую красивую невесту). Однако в начале сказки речь идет лишь об одном испытании: самый красивый ковер поможет королю назвать своего наследника. Затем король по просьбе старших сыновей добавляет сначала одно задание, а потом и второе, так как они не хотят, чтобы наследство досталось младшему брату-дураку. Три путешествия являются здесь троекратным повторением поиска с одной и той же мотивировкой. Третье путешествие — поиск невесты — и есть самое важное и определяющее испытание («*épreuve identificatoire*» [Belmont 1999, 175]), так как лишь в конце этого испытания выясняется, что младший брат станет наследником короля.

В сказке братьев Grimm «Стоптаные башмаки» (КНМ 133) отставной солдат должен узнать, почему башмаки двенадцати королевен каждое утро оказываются совершенно изношены, хотя девушки всю ночь остаются запертыми в своей спальне. Солдату хватает одной ночи, чтобы разоблачить девушек: он отправляется вслед за ними в подземное царство и приносит в качестве доказательства веточки деревьев из серебряных, золотых и бриллиантовых лесов, через которые они проходили: «Наутро солдат ничего никому не сказал, захотел еще раз посмотреть на ночные приключения королевен — и вторую, и третью ночь ходил с ними. Всё было так, как и в первый раз, <и королевны танцевали до тех пор, пока их башмаки не разломались пополам>¹¹. На третью ночь солдат взял с собой из подземного замка один из кубков» [Гримм 2007, 395].

Итак, кроме дополнительных доказательств, два последних путешествия ничего нового не приносят. Напомним, что в сказке Афанасьева «Ночные пляски» (NRS 298–299) упоминается лишь одно путешествие в подземное царство.

В других сказках, когда один и тот же персонаж (чаще всего герой) совершает

несколько путешествий в иное царство, эти путешествия могут следовать закону нарастания. В сказках братьев Grimm «Старый Ринкранк» (КНМ 196) и «Чумазый братец черта» (КНМ 100) главные персонажи дважды отправляются в иное царство. Эти две сказки можно интерпретировать как путь героя к достижению внутреннего совершенства: второе путешествие не является простым повторением первого.

В сказке «Старый Ринкранк» (КНМ 196) принцесса совершает первое путешествие случайно: она оказывается внутри горы после того, как поскользнулась, и остается там в плену. Второе путешествие — последствие личного решения героини и завершается ее триумфом: королева сама нашла дорогу на свободу и вновь отправилась внутрь горы, чтобы вынести оттуда сокровища гнома. В результате, пройдя все испытания, героиня обогащается и духовно, и материально.

Герой сказки «Чумазый братец черта» (КНМ 100) — бедный солдат, продавший черту свою душу и нанявшийся к нему на работу на семь лет. Когда оговоренный срок истекает, дьявол отпускает солдата домой с мешком пыли в качестве жалованья и запрещает ему мыться и стричься. Вновь оказавшись в родном городе, герой обнаруживает, что пыль в его мешке превратилась в золото. Это вызывает зависть трактирщика, у которого солдат остановился на ночь. Ограбленный солдат возвращается в ад, где черт вновь придает ему человеческий облик и учит его, как проучить трактирщика. Таким образом, второе путешествие в иное царство отвечает логике мщения. Первое путешествие является регрессивным превращением и утратой человечности; возвращение же к человечности во время второго путешествия не просто возвращение к прежнему положению, так как солдат становится богатым человеком. Как это часто бывает в сказке, новый этап в жизни героя сопровождается внутренним преобразованием, на что указывает покупка в финале новой рубашки — символа личности.

Аналогичная связь двух путешествий встречается в русской сказке «Золотая гора» (NRS 243): в первый раз купеческий

¹¹ Этот отрывок немецкого текста отсутствует в использованном русском переводе [Grimm 1993, т. 2, 220, 221].

сын отправляется на золотую гору из нужды, нанявшись в работники к богатому купцу, а во второй раз — чтобы отомстить купцу за то, что тот бросил его на золотой горе на съедение воронам.

СКАЗКИ С «ДВОЙНЫМ СТРОЕНИЕМ», СО «СЛОЖНЫМ СТРОЕНИЕМ» ИЛИ С «МНОГОЭПИЗОДНЫМ СТРОЕНИЕМ»

Различные путешествия в иное царство разделяют сказку на несколько «ходов». Постараемся выяснить, какого рода связи объединяют различные ходы между собой. Сначала рассмотрим сказки, в которых путешествия совершаются разными персонажами, так как сказки, где путешествует один персонаж (т.е. герой), отличаются более сложной организацией пространства.

Когда путешествуют разные действующие лица, путешествий обычно два. В этом случае странствующий персонаж, как правило, возвращается в человеческий мир между двумя путешествиями в иное царство.

В некоторых сказках два персонажа совершают два раза подряд одно и то же путешествие. Это происходит в сказках «Два брата» (КНМ 60), «Золотые дети» (КНМ 85), «Два Ивана, солдатских сына» (NRS 155), «Три человечка в лесу» (КНМ 13), «Госпожа Метелица» (КНМ 24) или «Морозко» (NRS 95, 96). Выражаясь словами М.-Л. Тенез, здесь можно говорить о сказках с «двойным строением», сконструированных на сопоставлении двух ходов.

В сказках, где оба персонажа мужского пола, как в первых трех примерах, второй герой отправляется в путь, чтобы выручить первого. В сказках с персонажами женского пола (AaTh 480 *The Kind and the Unkind Girls*) [Aarne-Thompson 1961, 164–166] — см. три остальных примера — второе путешествие является негативным вариантом первого и толкуется как «несчастливое повторение»¹². Все эти сказки отличаются ярко выраженным двойным строением, основанным не только на повторении, но и на дубликации: либо один из персонажей является двойником другого (неслучайно герои мужского пола — близнецы), либо два персонажа составляют пару, в которой

один, наделенный негативными качествами, заставляет другого проявить качества противоположные — положительные. Термин «двойное строение» здесь вполне оправдывается, так как в этих сказках имеются «два противоположных героя», а у двух ходов — противоположный исход, «у одного счастливый, а у другого несчастливый» [Tenèze 1972, 98].

В другой группе текстов количество путешествующих персонажей больше, но все же их можно сравнить с парой «брат — сестра». В этих сказках первое путешествие пассивно совершается группой братьев (часто с превращением в птиц), а второе — сестрой, решившей выручить братьев. Именно второе путешествие является главным в этих сказках. Подобная ситуация встречается в сказках «Семь воронов» (КНМ 25), «Двенадцать братьев» (КНМ 9), «Шесть лебедей» (КНМ 49) и «Поющее дерево и птица-говорунья» (NRS 288, 289). Здесь перед нами еще один случай дубликации с переменной пола, которую можно объяснить так же, как в предыдущих случаях: путешествия (и эпизоды) связаны между собой мотивом спасения, который подчеркивает комплементарность, существующую между братьями и сестрой.

Еще одна сказка, в которой брат и сестра отправляются друг за другом в иное царство, — «Ведьма и солнцева сестра» (NRS 93). Однако здесь схема сильно отличается от описанной выше, так как в паре «брат — сестра» соединены герой и его антагонист — ведьма, и сестра отправляется в иное царство не для того, чтобы освободить брата, а чтобы его съесть. Добавим, что в этой сказке отсутствует возвращение героя в мир людей: он остается в ином царстве навсегда. Ближе к этим сказкам стоят два текста из сборника братьев Grimm — «Ворониха» (КНМ 93) и «Барабанщик» (КНМ 193), хотя в них не сестра освобождает братьев, а муж-герой — будущую жену.

Переходя к сказкам, в которых различные путешествия в иное царство совершаются героем, остановимся на текстах «Поющий и прыгающий львиный жаворонок» (КНМ 88) и «Заклятый царевич» (NRS 276). Они являются двумя вариантами одной и той же сказки¹³. Первое

¹² Заметим, что мужчины и женщины путешествуют по-разному и что их отправление в путь мотивируется по-разному [Rimasson-Fertin 2008, 390–396; Байбурун, Кон 1991].

¹³ Этот же сюжет использовал С. Т. Аксаков в своей сказке «Аленький цветочек» в 1858 г.

путешествие в иное царство совершает отец героини, а второе — сама девушка. Напомним вкратце сюжет. Возвращаясь домой после дальнего путешествия, купец вынужден пообещать свою младшую дочь случайно встреченному существу из иного царства *в обмен* на диковинку, которую дочь просила у него в подарок. Вернувшись домой, отец рассказывает дочери о своем *договоре* со сверхъестественным существом, после чего дочь в свою очередь отправляется в иное царство, чтобы сдержать обещание, данное отцом.

Здесь взаимосвязь двух путешествий в иное царство можно охарактеризовать как двойное строение на основе обмена. Когда действующие лица — отец и дочь, как в нашем примере, можно считать, что перед нами раздвоение с переменной пола. Раздвоение в таком случае служит оправданием для путешествия персонажа женского пола. Это оправдание необходимо в связи с той ролью, которая была отведена женщине в патриархальном обществе, ведь эти сказки родились именно тогда, отразив в себе устои своей эпохи. К двум главным путешествиям можно добавить второстепенные путешествия, когда героиня возвращается в свой мир, чтобы навестить отца и сестер.

Героиня русской сказки «Заклятый царевич» (NRS 276) отправляется в путь одна и лишь один раз, в гости к отцу, тогда как в немецком варианте героиня делает это дважды. Во второй раз ее сопровождает заколдованный супруг¹⁴, и именно его присутствие приводит к третьему эпизоду сказки и третьему путешествию, уводящему героиню в далекое царство на поиски исчезнувшего мужа (AaTh 425: The Search for the Lost Husband) [Aarne-Thompson 1961, 140]. Мотив освобождения связывает два последних путешествия, как и в сказке о девочке, ищущей братьев (AaTh 451: The Maiden Who Seeks her Brothers) [Aarne-Thompson 1961, 153]. Таким образом, в этой сказке перед нами организация пространства с наличием трех миров.

Используя терминологию М.-Л. Тенез, отметим, что здесь перед нами смешанные формы построения сюжета (*formes*

hybrides): два первых путешествия (совершаемые отцом, а затем дочерью) просто происходят одно за другим, тогда как второе и третье путешествия в немецком варианте (КНМ 88) «наложены одно на другое и сцеплены между собой» (*imbriqués, "crantés" l'un sur l'autre* [Tenèze 1972, 98]).

Другие сказки, такие, как «Королевич, который ничего не боится» (КНМ 121) у Гриммов или «Буря-богатырь Иван коровий сын» (NRS 136) у Афанасьева, характеризуются многоходовым строением, основанным на сопоставлении нескольких путешествий с переменной пространства.

Сколько же мест упоминается в этих текстах? В первой сказке происходят одно за другим три путешествия: первое ведет героя к великану, который отправляет его за яблоком с дерева жизни для своей невесты. Поиски этого дерева, собственно, и являются вторым путешествием. Когда же королевич возвращается, великан выкалывает ему глаза и приводит на край обрыва, надеясь, что он упадет в пропасть и разобьется. Наконец, в течение третьего путешествия королевич скитается по миру и приходит к заколдованному замку.

В сказке «Буря-богатырь Иван коровий сын» (NRS 136) герой — младший из трех братьев, которые отправляются путешествовать по свету. Первое путешествие ведет их к калиновому мосту у Черного моря, на котором герой сражается с тремя змеями. Второе путешествие — к «индейскому королю» [Афанасьев 1957, 269], к дочери которого сватается старший брат. Третье путешествие герой совершает один, обратившись в птицу и летя вслед за королевской дочерью, когда та отправляется к берегу моря попросить у своего дедушки, живущего в подводном царстве, три золотых волоска¹⁵. После этого герой возвращается во дворец, и старший брат женится на королевской дочери, а о возвращении домой двух других братьев сказка умалчивает.

Итак, наличие трех путешествий в иное царство можно истолковать как утроение, которое часто комбинируется с нарастанием, так как герой подвергается испытаниям, каждое из которых сложнее

¹⁴ На эту тему см. также: [Raphoz 2003].

¹⁵ Таким образом, герой старается раскусить хитрость королевны, которая согласится выйти замуж за его брата, только если тот решит ее загадку.

предыдущего. В таких сказках герой не возвращается в свое царство между различными путешествиями; эти путешествия как бы сцеплены между собой и уводят его все дальше и дальше в иное царство или из одного волшебного царства в другое.

Наконец, в последней группе текстов переход из одного пространства в другое связан еще и с обменом предметами. Это позволяет нам говорить о сказках с многоходовым строением на основе обмена: когда герой оказывается в ином царстве, антагонист отправляет его в другое царство за диковинкой. Сказка братьев Grimm № 121, которую мы только что рассмотрели, имеет похожую схему. Наилучшим же примером является всем известная «Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» (NRS 168), так как она начинается с обмена, представленного как задача: царь обещает полцарства тому сыну, который поймает жар-птицу. Царская задача образует первое звено цепочки обменов, на которой построена вся сказка.

Разумеется, что в этой сказке воровство является скорее трудной задачей, нежели простым обменом, но следует учесть еще один факт: царь, которому принадлежит жар-птица, соглашается отдать ее Ивану-царевичу, *если* он достанет ему золотогривого коня. Именно это условие и то, что в каждом случае диковинный предмет ворует, т. е. добывается хитростью и порою силой, дают, на наш взгляд, основание рассматривать взаимосвязь этих путешествий как своего рода обмен.

Посмотрим теперь, какова ситуация в других сказках, построенных на аналогично сцепленных путешествиях, таких, как «Иван-Быкович» (NRS 137), и в одном из приведенных Афанасьевым вариантов «Сказки о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» (NRS 171–178, 176). В сказке «Иван-Быкович» (NRS 137) герой побеждает трех змеев, после чего их мать-ведьма берет его в плен и уводит в свое подземное царство. Оттуда ее муж, «старый старик», отправляет Ивана в «невиданное царство, в небывалое государство» [Афанасьев 1984, 230], чтобы тот достал ему невесту, царицу-золотые кудри. Вернувшись с царицей и победив

старика хитростью, Иван возвращается к себе домой и берет царицу в жены.

Вторая сказка начинается с поисков живой воды и молодильных яблок, за которыми по очереди уезжают царские сыновья. Младший сын оказывается, в конце концов, в царстве Елены Прекрасной, где и находит то, что искал, пройдя путь, состоявший из двух этапов (назовем это первым путешествием — П 1). Первая часть пути приводит его в поле, где он хоронит покойника и таким образом добывает волшебного коня¹⁶; вторая же часть пути ведет его к Елене Прекрасной. Назад герой едет по другой дороге (П 1 bis) и встречает братьев у ямы, ведущей в подземный мир. Герой спускается в яму, освобождает находящуюся там пленную девушку и просит братьев поднять ее на веревке. Затем братья покидают его в яме и, забрав девушку, уезжают в свое царство. Герой скитается по подземному царству до тех пор, пока не попадает в «нижний свет» [Афанасьев 1984, 367]. Здесь начинается второе путешествие (П 2). В нижнем свете он освобождает трех царевен, которых должны были принести в жертву трем змеям, после чего возвращается в свой мир, в «верхний свет» на спине у сокола (П 2 bis). На первое путешествие героя отвечает, как отражение в зеркале, путешествие его волшебной жены, которая 12 лет спустя отправляется за ним на корабле вместе с их сыновьями, чтобы увезти в свое заморское царство.

ПУТЕШЕСТВИЕ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СКАЗКИ

Рассмотренные примеры ясно показывают, что от мотива путешествия зависит не только развитие действия сказки, но и организация ее пространства. Далее необходимо выяснить, каково взаимное пространственное расположение различных миров в одной и той же сказке. И следующий вопрос: существует ли определенное, свойственное именно сказкам, мировоззрение?

Мифическое воображение мира

Мы убедились на примерах, что в зависимости от текстов встречаются либо миры,

¹⁶ Здесь мы узнаем мотив благодарного покойника (AaTh 505: The Grateful Dead) [Aarne-Thompson 1961, 171–177].

расположенные рядом друг с другом и разделенные границей, состоящей из линии или одной точки (к вопросу о термине и понятии «граница» см. статью Р.-М. Пийа) [Pille 2003], либо миры, разделенные более широкой полосой — некой промежуточной зоной [Belmont 1997, 63–65; Rimasson-Fertin 2008, 75–128]. Итак, можно считать, что в сказках мир имеет двух- или трехполюсную организацию: так называемый «этот мир» (т.е. мир людей, в том числе и героя), «иной мир», который иногда совпадает с царством мертвых, плюс в ряде случаев промежуточная зона. Между этими пространствами существуют переходы, и пройти через них можно в обе стороны.

Пространство в сказке неравномерно, так как изображены лишь необходимые для действия места; остальные места не упоминаются и, следовательно, не существуют. В статье в *Энциклопедии сказки*, посвященной изображению пространства, А. Мессерли описывает пространство сказки как «пространство, состоящее из определенных мест или, точнее, декораций, изображающих эти места» (*ein Raum der Orte, bzw. der Schauplätze*) [Messerli 2004; Неклюдов 1966 и 1975, 183]. Эта идея неравномерного пространства отсылает нас к первым словам эссе историка религии Мирчи Элиаде «Священное и мирское»: «Для религиозного человека пространство неоднородно: в нем много разрывов, разломов; одни части пространства качественно отличаются от других» [Элиаде 1994, 22]¹⁷.

Точно таким же образом мир, в котором живут и действуют персонажи сказки, состоит из мест с различными коннотациями: они оцениваются как хорошие или плохие, что зависит от сопряженных с ними — не обязательно религиозных — поверий. Достаточно вспомнить, что говорилось выше о представлениях, связанных с дорогой.

Так или иначе, пространство сказки организовано не вокруг понятий о направлении и расстоянии, а вокруг понятия священного пространства, в связи с которым строится оценочная шкала различных мест [Раденкович 2011, 73–88].

Такого рода поляризация пространства свойственна мифическому представлению о мире¹⁸.

Различное расположение иного царства в сказках, как и различные представления о мире вообще, встречающиеся в текстах, не являются взаимоисключающими. И все же это не просто фантазии. На примере норвежских сказок Рональд Грамбо показал, что люди часто перенесли в сказки свои «представления о космогонии» (*cosmogonic views*). При этом подчеркивается, что в сказках нет «установленного представления о мире» (*there is no fixed world view in them*) и что, учитывая разницу в происхождении и в возрасте сюжетов, не стоит надеяться в них это найти [Grambo 1973, 100]. Как отметил Р. Грамбо, общность встречающихся в сказках представлений связана исключительно с христианизацией, в результате которой в них были перенесены христианские представления о загробном мире [Grambo 1973, 101].

Эти представления отражают веру человека в то, что его окружают сверхъестественные силы или, как выразился Клод Лекутэ, что он живет в «заколдованном мире» [Lecouteux 1995, 19].

Вместо карты: «графический анализ» сказки

На парижской конференции, посвященной проблемам устной литературы (*littérature orale*) (март 1982), в докладе на тему «Картография и графический анализ физического мира сказок с путешествиями» (*conte à odyssee*) [Labrie 1982] Вивиан Лабри предложила «метод пиктографического, а точнее, картографического анализа, который описывает сознательный когнитивный опыт рассказчиков и их слушателей, отличный от опыта читателей» и подход к тексту, не связанный с письменной речью [Labrie 1982, 547].

Предстоит «попытаться описать это “путешествие”, к которому так привязаны рассказы» [Там же, 547], часто опирающиеся на пространственное перемещение персонажей, чтобы запомнить сюжет сказки.

Эта методика, разработанная на основе десятка сказок, представлена как

¹⁷ Курсив автора статьи.

¹⁸ Каталин Горн говорит о «мифическом, не физическо-эмпиричном распределении пространства» (*eine mythische Raumaufteilung, die keine physikalisch-empirische ist*) [Horn 1984, 31]

подходящая именно для «сказок с путешествиями» канадских франкоговорящих рассказчиков. Вивиан Лабри предлагает действовать таким образом: «Мы пока ограничимся только путем: итак, не будем изображать ни места, находящиеся внутри, с которыми возникают проблемы при их изображении на плане, ни персонажей, ни предметы. <...> Благодаря сбору данных мы получим нечто вроде контурной карты или, скорее всего, список мест, использованных в повествовании, в котором указана сеть перемещений, придающих жизнь этим местам и отражающих последовательность и линейность действия. Итак, проводится упрощение основного действия исходя из его физической основы, то есть из фиктивности физического мира, в котором происходит действие, и из взаимоотношений между различными компонентами этого мира»¹⁹.

Должны быть указаны только те места, которые «связаны с определенным действием»: «Например, лес в предложении “он шел через леса три дня и три ночи” не следует изображать, так как он скорее воспринимается как оборот речи, нежели как часть самого рассказа, тогда как в отрывке “он пришел в лес и стал там жить и охотиться” лес нужно обозначить. Однако нам представляется необходимым изобразить все реки и водоемы»²⁰.

В рамках анализа типов иного царства в сказках было бы необходимо изобразить все леса и все реки и водоемы, так как они являются границей с иным царством и служат переходами.

И все же проведенное исследование показывает, что пространственное взаиморасположение мира людей и иного царства часто оказывается намного сложнее, особенно когда в одной сказке упоминаются миры, расположенные рядом друг с другом в одной горизонтальной

плоскости, и миры, находящиеся один над другим, как в сказке Афанасьева «Три царства — медное, серебряное и золотое» (NRS 128–130).

Если придерживаться решения В. Лабри не показывать внутренние места и ограничиваться видом сверху, возникнут трудности при изображении перехода героя в подземный мир: оказавшись под землей, герой исчезает из поля зрения и как будто находится во внутреннем пространстве.

Поскольку в рассматриваемых нами текстах очень часто встречаются как подземные миры, так и миры, находящиеся над человеческим миром, необходимо выбрать поперечный разрез, чтобы можно было изобразить перемещение героя во всех направлениях; таким образом, будут видны как горизонтальные, так и вертикальные перемещения героя.

Эта попытка изобразить в пространстве путь героя и вместе с тем места, упоминающиеся в данной сказке, интересна для анализа процесса запоминания рассказчиками сюжета и соблазнительна для читателя, равно как и для исследователя. И все же она не может считаться удовлетворительной для описания свойственной сказке воображаемой географии. Иначе и быть не может, так как жанр сказки отличается именно отсутствием топонимов, связей с конкретными местами и других необходимых картографу данных.

Хотя в сказках время от времени встречаются настоящие географические названия, они совершенно изъяты из своего обычного контекста и не связаны между собой. К тому же в сказках они приобретают новый смысл. У Афанасьева, например, герой обозначает свой мир, куда ему нужно вернуться, словом «Русь» (NRS 128 и 374 «Леший»). Иногда в текстах речь идет о «Дунае-Реке» (NRS 220 и 450) и об «индейском

¹⁹ «Nous nous en tiendrons pour le moment strictement à l'itinéraire: nous ne ferons donc apparaître ni les lieux intérieurs, lesquels posent des problèmes de plan, ni les personnages, ni les objets. [...]. Le relevé à effectuer devrait nous fournir une sorte de fond de carte inerte, ou plutôt un état des lieux utilisés dans la narration, chargé du réseau de déplacements qui animent ces lieux et qui rendent compte de la causalité et de la linéarité de l'action. [...] On opérera donc en quelque sorte une simplification du récit basée sur son armature physique, c'est-à-dire sur le monde physique fictif dans lequel ce récit prend place, et sur les interrelations qui sont faites entre les divers constituants de cet univers» [Labrie 1982, 564].

²⁰ «Par exemple la forêt dans “il a traversé des forêts pendant trois jours et trois nuits” n'aurait pas à être représentée, étant donné qu'elle est plus une figure stylistique que narrative, alors qu'il faudrait signifier la forêt de “l est arrivé à une forêt et est resté là à vivre de la chasse”. Il semble prudent cependant de représenter tous les cours d'eau mentionnés» [Labrie 1982, 566].

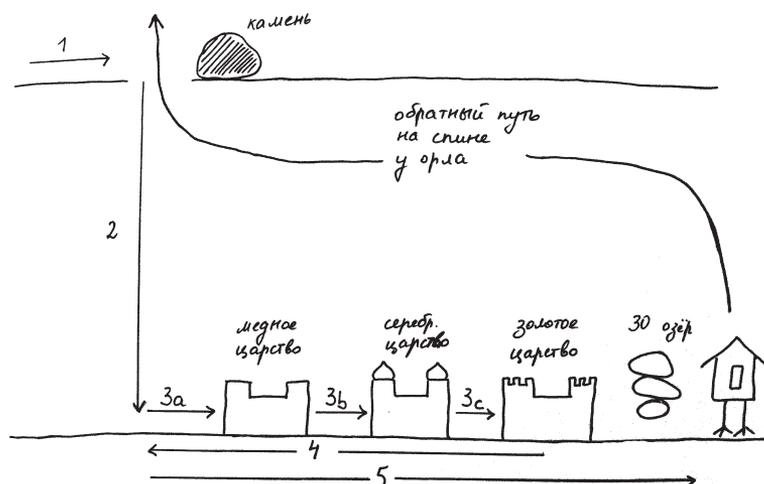

Рис. 1. Схема пути в сказке «Три царства – медное, серебряное и золотое» (NRS 128). Путь №4 совершает герой, провожая освобожденных царевен к месту, где они могут выбраться в мир людей (вертикальный путь снизу вверх)
 The outline of the trip in "Three kingdoms: the copper, the silver and the golden" — the folktale (NRS 128). Trip №4 is conducted by the hero, escorting liberated princesses to the place, where they can get out to the human world (vertical passage from below upwards)

короле» [Афанасьев 1984, 223] (NRS 136) или у братьев Гримм о «городе Остенде» [Гримм 2007, 410] (КНМ 137), но относительно мира, в котором герой находится в данный момент действия, эти названия не выражают ничего, кроме отдаленности.

Итак, если и можно говорить о географии сказки, то только мифической, и строится она относительно таких мест, как огненная река, калиновый мост и остров Буян в русских сказках или стеклянная гора в немецких.

Топографические сложности

Другая причина, по которой В. Николайзен оценивает мир сказки как «некартографичный» (*acartographical*) и «некартографируемый» (*unmappable*) [Nicolaisen 1988, 364] — если можно себе позволить эти неологизмы, — это его география, не соответствующая евклидовой системе, что В. Лабри по-французски называет *géographie non-euclidienne*²¹ [Labrie 1993]. Это выражение может относиться ко всем сказкам, в которых дорога героя в иное царство и его обратный путь не симметричны и в которых эти пути не совпадают с пространственным расположением различных миров.

Например, сказки братьев Гримм «Госпожа Метелица» (КНМ 24) и «Русалка» (КНМ 79), а также сказка Афанасьева «Князь-Данила-Говорила» (NRS 114) отличаются явной несимметричностью путей: дорога туда совершается по вертикали (герой спускается в подземный мир), а обратный путь — по горизонтали.

Пространственное расположение мира Госпожи Метелицы по отношению к миру героини (он находится одновременно под миром людей, над ним — когда Госпожа Метелица вытряхивает перину, у людей идет снег — и в одной плоскости с ним, см. также [von Weit 1981, 57–60]) можно изобразить с помощью схемы (рис. 2).

Напомним также о сказках, в которых герой мужского пола попадает в подземный мир, спускаясь в дыру или пропасть при помощи ремней, а возвращаясь в мир людей, летит, сидя на спине у птицы, которую нужно кормить мясом всю дорогу. При этом полет оказывается таким длинным, что герою приходится вырезать себе икры, чтобы птица закончила путь благополучно²².

Как отметила Н. Бельмон, «...этот подъем проблематичен, так как с полетом связывается в человеческом воображении

²¹ Labrie V. Du héros unique à l'aventure collective: dynamique des passages dans les contes merveilleux». Ottawa, 1993.

²² См., например, сказку NRS 176.

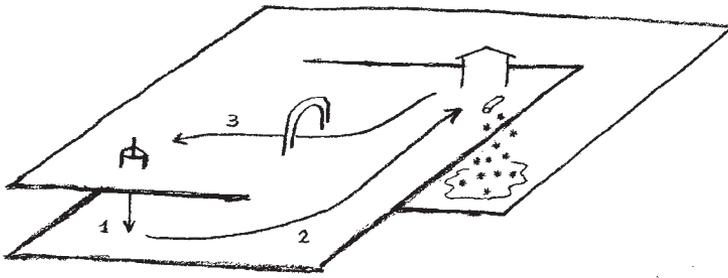

Рис. 2. Схема сказки «Госпожа Метелица» (КНМ 24)
The outline of "Snowstorm the Mistress" the fairy tale (KHM 24)

большое воздушное пространство с отсутствием препятствий, а не пролет через узкую трубу» [Belmont 1997, 71].

Таким образом, в этих сказках мы сталкиваемся с явлением, которое У. Хейндрихс, анализируя «Госпожу Метелицу», назвала «смещением миров» (*Verschiebung der Sphären*) [Heindrichs 1984, 65].

* * *

Итак, путешествие в иное царство действительно является элементом, на котором строится композиция сказки. Путешествие — необыкновенное состояние, оно по-настоящему не описывается в самом рассказе, но тем не менее служит важной и надежной опорой для памяти рассказчиков и отражается в употребляемых ими лексических средствах. С помощью определенных слов и выражений вырисовывается довольно сложная организация пространства, в которой накопленные

человечеством географические знания не существуют, а обычные законы физики не действуют и не препятствуют перемещениям героя. Путь героя зависит лишь от фантазии рассказчика.

Рассмотренные примеры, в особенности сказки с наличием подземных миров, показали, что тексты сборника Афанасьева отличаются более сложной организацией повествования и пространства, чем тексты братьев Гримм. Однако и в том, и в другом собрании используется своя воображаемая география, закрепленная в сознании каждого из народов.

Анализ столь богатого мотива, как путешествие в иное царство, выходит за рамки тематики данной статьи. Хотелось бы только подчеркнуть тот факт, что в сказках становится возможным свободный переход из одного мира в другой и обратно, что с очевидностью выражает желание человека вырваться за пределы своего земного бытия.

Литература

Афанасьев 1957 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / подгот. текста, пред. и прим. В. Я. Проппа. М., 1957. Т. 1.
Афанасьев 1984 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / издание подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М., 1984. Т. 1.
Афанасьев 1985 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / издание подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М., 1985. Т. 2.
Байбурин, Кон 1991 — Байбурин А. К., Кон И. С. Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.
Гримм 2007 — Гримм Я. и В. Детские и домашние сказки: Полное собрание сказок и детских легенд / под ред. В. П. Бутромеева, В. В. Бутромеева, Н. В. Бутромеевой. М., 2007.
Неклюдов 1966 — Неклюдов С. Ю. К вопросу о связи пространственно-временных отноше-

ний с сюжетной структурой в русской былине // Тезисы докладов во второй летней школе по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1966.

Неклюдов 1975 — Неклюдов С. Ю. Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора // Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю. Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895–1970). М., 1975. С. 182–190.

Пропп 1998а — Пропп В. Я. Морфология <волшебной> сказки // Собрание трудов. М., 1998. Т. 2. С. 5–111.

Пропп 1998б — Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки // Собрание трудов. М., 1998. Т. 2. С. 112–436.

Раденкович 2011 — Раденкович Л. Опасные места в славянской народной демонологии //

Гура А. В. (отв. ред.). Славянский и балканский фольклор. Виноградье. М., 2011. С. 73–88.

Трубецкой 1990 — Трубецкой Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. Март — апрель 1990. Т. 2. С. 100–118.

Цивьян 1975 — Цивьян Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке (на материале албанской сказки) // Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю. (отв. ред.). Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895–1970). М., 1975. С. 191–213.

Щепанская 1992 — Щепанская Т. Культура дороги на Русском Севере: Странник // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 102–126.

Элиаде 1994 — Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

Aarne-Thompson 1961 — Aarne A., Thompson S. The Types of the Folktale // Folklore Fellows Communications. Helsinki, 1961. № 184.

Bächtold-Stäubli 1987 — Bächtold-Stäubli H. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Berlin; New York, 1927–1942 (1987). Т. 9.

Belmont 1997 — Belmont N. Les seuils de l'autre monde dans les contes populaires français // Cahiers de Littérature Orale. 1997. № 39–40. P. 61–79.

Belmont 1999 — Belmont N. Poétique du conte. Essai sur le conte de tradition orale. Paris, 1999.

Faivre 1978 — Faivre A. Les contes de Grimm: mythe et initiation. Paris, 1978.

Grambo 1973 — Grambo R. Cosmogonic Concepts in Norwegian Folktales // Fabula. 1973. № 14. P. 91–101.

Grimm 1993 — Grimm J. und W. Kinder- und Hausmärchen, gesammelt durch die Brüder Grimm, mit einem Anhang sämtlicher, nicht in allen Auflagen veröffentlichter Märchen und Herkunftsnachweisen, herausgegeben von Heinz Rölleke. изд. по тексту 1857 г. Т. 3. Stuttgart, 1993.

Grimm-Rölleke 1985 — Grimm J. und W. und Rölleke H. (ов. ред.). Kinder- und Hausmärchen, изд. по тексту 1837 г. Francfort-sur-le-Main. 1985.

Heindrichs 1984 — Heindrichs U. Der Brunnen // Janning J. (отв. ред.). Die Welt im Märchen. Kassel, Röth, 1984. S. 53–74.

Horn 1984 — Horn K. Der Weg // Janning J. (отв. ред.) Die Welt im Märchen. Kassel, Röth, 1984. S. 22–37.

Janning 1984 — Janning J. (ов. ред.) Die Welt im Märchen. Kassel, Röth, 1984.

Labrie 1982 — Labrie V. Cartographie et analyse graphique de l'univers physique du conte à odyssee // Calame-Griaule G., Görög-Karady V.,

Chiche M. Le conte: pourquoi? comment? Journées d'études en littérature orale. Analyse des contes, problèmes de méthode. Paris, 23–26 mars 1982. Paris, 1984. P. 545–582.

Labrie 1993 — Labrie V. Du héros unique à l'aventure collective: dynamique des passages dans les contes merveilleux. Ottawa, 1993.

Landry 2005 — Landry T. La mémoire du conte folklorique de l'oral à l'écrit. Les frères Grimm et Afanasev, Presses de l'Université Laval, 2005.

Lecouteux 1995 — Lecouteux C. Démons et génies du terroir au Moyen Age. Paris, 1995.

Lecouteux 2000 — Lecouteux C. La maison et ses génies. Croyances d'hier et d'aujourd'hui. Paris, Imago, 2000.

Messerli 2004 — Messerli A. Raumvorstellung // Enzyklopädie des Märchens. 2004. Т. 11. S. 355–364.

Nicolaisen 1988 — Nicolaisen W. Once Upon a Place, or Where is the World of the Folktale? // Lehmann A. (отв. ред.) Sichtweisen der Volkskunde, Festschrift G. Lutz. Berlin; Hambourg, 1988. S. 359–365.

Pille 2003 — Pille, R.-M. "An unser granizze" — die slawischen Wurzeln des Wortes "Grenze" // Breysach B., Paszek A., Tölle A. Grenze — Granica. Interdisziplinäre Getrachtungen zu Barrieren, Kontinuitäten und Gedankenhorizonten aus deutsch-polnischer Perspektive. Berlin, 2003. S. 18–26.

Raphoz 2003 — Raphoz F. Des Belles et des bêtes. Anthologie de fiancés animaux. Paris, 2003.

Rimasson-Fertin 2008 — Rimasson-Fertin N. L'autre monde et ses figures dans les Contes de l'enfance et du foyer des frères Grimm et les Contes populaires russes d'A. N. Afanassiev. Thèse de doctorat d'Etudes germaniques, Université Stendhal-Grenoble 3, 2008 (в печати).

Siniavski 1990 — Siniavski A. Ivan le Simple: paganisme, magie et religion du peuple russe. Paris, 1990.

Soriano 2001 — Soriano M. Formulettes // Nourissier F. Dictionnaire des genres et des notions littéraires, Encyclopedia Universalis. Paris, 2001 (2^{oe} изд.). P. 338–341.

Tenèze 1972 — Tenèze M. — L. Le conte merveilleux français: problématique d'une recherche // Ethnologie française II. 1972. Т. 1–2. P. 97–106.

Tenèze 2004 — Tenèze M. — L. Les contes merveilleux français. Recherches de leurs organisations narratives. Paris, 2004.

Tonnelat 1912 — Tonnelat E. Les contes des frères Grimm. Paris, 1912.

von Beit 1981 — Beit, Hedwig von. Symbolik des Märchens. Bern/München, 1981 (6. Auflage).

Zumthor 1993 — Zumthor P. La mesure du monde. Représentation de l'espace au Moyen Age, Paris Seuil, 1993.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, культур и литератур (немецкий язык) Университета Гренобль № 3 им. Стендаля: 38610 Франция, г. Сен-Мартен д'Эр, Центральный проспект, д. 1180; тел.: 00 33 4 76 82 41 02 / 00 33 4 76 82 34 06; e-mail: natacha.rimasson-fertin@u-grenoble3.fr

THE TRAVEL TO THE OTHER WORLD AS A BASIS OF FAIRY TALE: A COMPARATIVE STUDY OF TALES BY THE GRIMM BROTHERS AND BY A. N. AFANASIEV

RIMASSON-FERTIN NATACHA

(Stendhal-University Grenoble 3, 1180 avenue Centrale, 38400 Saint Martin d'Hères,
Faculty of foreign languages, civilizations and literatures (German))

Summary. *The present article analyses how the motif of the journey to the otherworld and the beliefs related to it appear in the very text of the folktales collected by the Grimm Brothers and Alexander Afanasiev in the 19th century, as well in the used vocabulary and the stylistic means, as in the structure of the narration itself.*

This study first focuses on folk beliefs linked to the travel motif in both German and Russian cultural areas and points the fact that the traveller has in both cases a special status: he is not considered as belonging to the world of the living anymore. It also pays a special attention to the places the hero — man or woman — travels through. Even if the folk tale does not really describe the space and the landscapes, we still are able to gather some details, which, once combined together, compose a certain picture of this imaginary world. Though, to what extent would it ever be possible to map the world depicted in folk tales?

However, it clearly appears that the travel motif is a great help for the storytellers' memory, and that the spatial organization of the whole world of the tale is closely linked with it. This study proposes a typology of tale structures according to the travelling characters, the number of travels in the otherworld and to the kind of connection existing between them.

Key words: *folktale, Grimm, Afanasiev, travel, otherworld, mythical geography, folk beliefs.*

Literature

Aarne A., Thompson S. The Types of the Folktale. *Folklore Fellows Communications*. № 184. Helsinki, 1961. In English.

A. N. Afanas'ev's Russian Folk-Tales: in 3 vol. Ed. by L. G. Barag. Moscow, 1984. Vol. 1. In Russian.

A. N. Afanas'ev's Russian Folk-Tales: in 3 vol. Ed. by L. G. Barag. Moscow, 1985. Vol. 2. In Russian.

A. N. Afanas'ev's Russian Folk-Tales: in 3 vol. Ed., pref., comm. by V. Ya. Propp. Moscow, 1957. Vol. 1. In Russian.

Bächtold-Stäubli H. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Berlin; New York, 1927–1942 (1987). T. 9. In German.

Belmont N. Les seuils de l'autre monde dans les contes populaires français. *Cahiers de Littérature Orale*. 1997. № 39–40. Pp. 61–79. In French.

Belmont N. Poétique du conte. Essai sur le conte de tradition orale. Paris, 1999. In French.

Bayburin A. K., Kon I. S. Ethnic Stereotypes of Male and Female Behavior. St. Petersburg, 1991. In Russian.

Eliade M. The Sacred and the Profane. Moscow, 1994. In Russian.

Faivre A. Les contes de Grimm: mythe et initiation. Paris, 1978. In French.

Grambo R. Cosmogonic Concepts in Norwegian Folktales. *Fabula*. 1973. № 14. Berlin. Pp. 91–101. In English.

Grimm J. & W. Kinder- und Hausmärchen, gesammelt durch die Brüder Grimm, mit einem

Anhang sämtlicher, nicht in allen Auflagen veröffentlichter Märchen und Herkunftsnachweisen (1857), herausgegeben von Heinz Rölleke. Vol. 3. Stuttgart, 1993. In German.

Grimm J. & W. Kinder- und Hausmärchen (1837), Rölleke H. (ed.) Francfort-sur-le-Main, Deutscher Klassiker Verlag, 1985. In German.

Grimm Ja. & W. Childrens' and Household Tales. Full collection of folktales and childrens' legends. Ed. by V. P. Butromejev, V. V. Butromejev, N. V. Butromejeva. Moscow, 2007. [Russian Translation of: Kinder- und Hausmärchen, 1812]. In Russian.

Heindrichs U. Der Brunnen. Janning J. (ed.) *Die Welt im Märchen*. Kassel, Röth, 1984. Pp. 53–74. In German.

Horn K. Der Weg. Janning J. (ed.) *Die Welt im Märchen*. Kassel, Röth, 1984. Pp. 22–37. In German.

Janning J. (ed.) *Die Welt im Märchen*, Kassel, Röth, 1984. In German.

Labrie V. Cartographie et analyse graphique de l'univers physique du conte à odyssee. Calame-Griaule G., Görög-Karady V., Chiche M. (ed.). *Le conte: pourquoi? comment? Journées d'études en littérature orale. Analyse des contes, problèmes de méthode*. Paris, 23–26 mars 1982. Paris, 1984. Pp. 545–582. In French.

Labrie V. Du héros unique à l'aventure collective: dynamique des passages dans les contes merveilleux. Ottawa, 1993. In French.

Landry T. La mémoire du conte folklorique de l'oral à l'écrit. Les frères Grimm et Afanasiev. Presses de l'Université Laval, 2005. In French.

Lecouteux C. Démons et génies du terroir au Moyen Age. Paris, 1995. In French.

Lecouteux C. La maison et ses génies. Croyances d'hier et d'aujourd'hui. Paris, Imago, 2000. In French.

Messerli A. Raumvorstellung. *Enzyklopädie des Märchens*. 2004. T. 11. Pp. 355–364. In German.

Neklyudov S. Yu. The Question of Relation between Spatial-temporal Terms and the Plot Structure of the Russian Bylina-epics. *Abstracts of the 2nd Summer School on Secondary Molding Systems*. Tartu, 1966. In Russian.

Neklyudov S. Yu. Static and Dynamic Elements of the Spatial-temporal Arrangement of Narrative Folklore. Meletinskiy E. M., Neklyudov S. Yu. (ed.) *Typological Studies on Folklore. Collected Papers in Memoriam V. Ya. Propp (1895–1970)*. Moscow, 1975. Pp. 182–190. In Russian.

Nicolaisen W. Once Upon a Place, or Where is the World of the Folktale? Lehmann A. (ed.). *Sichtweisen der Volkskunde, Festschrift G. Lutz*. Berlin, Hamburg, 1988. Pp. 359–365. In English.

Pille R.-M. “An unser granizze” — die slawischen Wurzeln des Wortes “Grenze”. Breysach B., Paszek A. и Tölle A. (ed.) *Grenze — Granica. Interdisziplinäre Getrachungen zu Barrieren, Kontinuitäten und Gedankenhorizonten aus deutsch-polnischer Perspektive*. Berlin, 2003. Pp. 18–26. In German.

Propp V. Ya. Morphology of the folk-tale. *Collected Works*. Moscow, 1998. Vol. 2. Pp. 5–111. In Russian.

Propp V. Ya. Historical Roots of the Folk Fairy-tale. *Collected Works*. Moscow, 1998. Volume 2. Pp. 112–436. In Russian.

Radenkovich L. Dangerous Places in the Slavic Folk Demonology. Gura A. V. (ed.). *Slavic and Balkan Folklore: Vinogradè-glorifying song of the Yuletide*. Moscow, 2011. Pp. 73–88. In Russian.

Raphoz F. Des Belles et des bêtes. Anthologie de fiancés animaux. Paris, 2003. In French.

Rimasson-Fertin N. L'autre monde et ses figures dans les Contes de l'enfance et du foyer des frères Grimm et les Contes populaires russes d'A. N. Afanassiev. Thèse de doctorat d'Etudes germaniques, Université Stendhal-Grenoble 3, 2008. In French.

Shchepanskaya T. Road Culture in the Russian North: The Itinerant. *The Russian North: Areas and Cultural traditions*. St. Petersburg, 1992. Pp. 102–126. In Russian.

Siniavski A. Ivan le Simple: paganisme, magie et religion du peuple russe. Paris, 1990. In French.

Soriano M. Formulettes. Nourissier F. (ed.) *Dictionnaire des genres et des notions littéraires, Encyclopedia Universalis*. Paris, 2001 (2nd ed.). Pp. 338–341. In French.

Tenèze M.-L. Le conte merveilleux français: problématique d'une recherche. *Ethnologie française II*. 1972. V. 1–2. Pp. 97–106. In French.

Tenèze M.-L. Les contes merveilleux français. Recherches de leurs organisations narratives. Paris, 2004. In French.

Tonnelat E. Les contes des frères Grimm. Paris, 1912. In French.

Trubetskoy E. The „Other Kingdom“ and Its Seekers. *Literature Training. March — April. 1990*. Vol. 2. Pp. 100–118. In Russian.

Tsiv'yan T. V. Semantic of Spatial Elements of the Fairy Tale (on the material of the Albanian Folk Tale). Meletinskiy E. M., Neklyudov S. Yu. (ed.). *Typological Studies on Folklore. Collected works in Memoriam V. Ya. Propp (1895–1970)*. Moscow, 1975. Pp. 191–213. In Russian.

Von Beit H. Symbolik des Märchens. Bern; München, 1981 (6. Auflage). In German.

Zumthor P. La mesure du monde. Représentation de l'espace au Moyen Age. Paris Seuil, 1993. In French.

ABOUT THE AUTHOR

E- mail: natacha.rimasson-fertin@u-grenoble3.fr

Tel.: 00 33 4 76 82 41 02 / 00 33 4 76 82 34 06;

Stendhal-University Grenoble 3, 1180 avenue Centrale, 38400 Saint Martin d'Hères,

Faculty of foreign languages, civilizations and literatures;

PhD (Philology), associate professor of German Language and Literature, member of research

team ILCEA4 (Institut des Langues et des Cultures d'Europe, Amérique, Afrique, Asie et Australie)

(EA 613)
